

О. Лекманов

Иваны в «Иване Денисовиче»

Потенциал ономастики в рассказе «Один день Ивана Денисовича» используется экономно и эффективно.

Жесткая лагерная иерархия, подчиняющая себе сознание всех персонажей произведения, за исключением баптиста Алешки, многократно усиливает и на воле существенную разницу между полными и уменьшительными именами, именами и фамилиями, фамилиями и именами-отчествами. Это тонко показано автором, например, в той сцене рассказа, где приболевший Иван Денисович пытается получить в лагерной санчасти освобождение от работы.

«...в дежурке сидел фельдшер — молодой парень *Коля Вдовушкин*, за чистым столиком, в свеженьком белом халате — и что-то писал.

Шухов снял шапку, как перед начальством... *Николай* писал ровными-ровными строчками...

— Вот что... *Николай Семеныч*... я вроде это... болен...

— Что ж ты поздно так? А вечером почему не пришел? Ты же знаешь, что утром приема нет? Список освобожденных уже в ППЧ.

— Да ведь, *Коля*... Оно с вечера, когда нужно, так и не болит...»

Юный фельдшер, увиденный глазами годящегося ему если не в отцы, то в старшие братья главного героя, сперва совсем «по-граждански» назван «Колей». Но поскольку он «начальство», перед которым положено снимать шапку, «Коля» стремительно преобразуется в «Николая», а потом (в реплике Шухова) — в «Николая Семеныча». Когда же Иван Денисович предпринимает попытку человеческого контакта со Вдовушкиным, «Николай Семеныч» снова урезается до «Коли».

На то, что выбор формы обращения одного лагерника к другому имеет первостепенное смысловое значение, автор «Ивана Денисовича» в своем рассказе дважды указывает прямо. Ближе к финалу, в сцене на стройке:

«— Иди, бригадир! Иди, ты там нужней! — (*Зовет Шухов его Андрей Прокофьевичем, но сейчас работой своей он с бригадиром сравнялся. Не то чтоб думал так: “Вот я сравнялся”, а просто чувствует, что так.*)»

И — ближе к началу — в том фрагменте, где главный герой впервые фигурирует как «Иван Денисович» (до этого автор называл его исключительно «Шуховым», а надзиратели — по номеру — «Щ-854»):

«Павло поднял голову.

— Нэ посадылы, Иван Денисыч? Живы? (*Украинцев западных никак не переучат, они и в лагере по отчеству да выкают.*)»

Разумеется, подбор большинства имен, отчеств и фамилий в рассказе Солженицына неслучаен. Такие фамилии, как «Фетюков», «Волковой» — «бог шельму метит, фамильицу дал!», «Буйновский» и многие другие просто и выразительно характеризуют тех, кому они даны автором «Ивана Денисовича». Почти то же самое можно сказать об имени и отчестве солженицынского интеллигента — «Цезарь Маркович» — чьи «древнеримские», царственные обертоны по полной программе обыгрываются в рассказе.

«Цезарь богатый, два раза в месяц посылки. <...> Цезарь оборотился, руку протянул за кашей, на Шухова и не посмотрел, будто каша сама приехала по воздуху. <...> Шухов бросился мимо БУРа, меж барakov — и в посылочную. А Цезарь пошел, себя не роняя, размеренно, в другую сторону»

и тому подобное.

Та основная причина, по которой Солженицын дал своему заглавному герою имя «Иван», вряд ли нуждается в специальном комментарии и обосновании. Иван — «самое обиходное у нас имя... по всей азиатской и турецкой границе нашей, от Дуная, Кубани, Урала и до Амура, означает русского. <...> Иван простак и добряк» (цитируем словарь В.Даля).

Вместе с тем внимательный читатель рассказа, на наш взгляд, обязательно должен время от времени вспоминать известное выражение «Иван, не помнящий родства».

Губительный отрыв от родных корней, рабское подчинение законам, навязанным новой властью, — все это, согласно Солженицыну, составляет едва ли не суть характера бывалого лагерника (читай — опытного советского гражданина):

«...за столом, еще ложку не окунувши, парень молодой крестится. Значит, украинец западный, и то новичок.

А русские — и какой рукой креститься, забыли. <...> Писать теперь — что в омут дремучий камешки кидать. Что упало, что кануло — тому отзыва нет. <...>

Ни по-плотнички не ходят, чем сторона их была славна, ни корзины лозовые не вяжут, никому это теперь не нужно. А промысел есть-таки один новый, веселый — это ковры красить».

В том, что сознание самого Ивана Денисовича заражено коррозией безверия и забвения вековых устоев, читатель убеждается из его финального идеологического спора с баптистом Алешкой.

Именно поэтому чрезвычайно важно, что герою произведения присвоено не только имя, но и отчество, — все же он крепче многих других персонажей рассказа и на почти генетическом уровне помнит о своем крестьянском происхождении, а советскую власть воспринимает как чуждую и досадливо-навязчивую силу.

«— Не иначе как двенадцать, — объявил и Шухов. — Солнышко на перевале уже.

— Если на перевале, — отозвался кавторанг, — так значит не двенадцать, а час.

— Это почему ж? — поразился Шухов. — *Всем дедам известно*: всего выше солнце в обед стоит.

— То — дедам! — отрубил кавторанг. — А с тех пор декрет был, и солнце выше всего в час стоит.

— Чей ж эт декрет?

— Советской власти!

Вышел кавторанг с носилками, да Шухов бы и спорить не стал. Неуж и солнце *ихним* декретам подчиняется?»

Имя «Иван» у Солженицына — это своеобразный «общий аршин», мерило русского национального характера со всеми его достоинствами и недостатками, «*Недоиваны*» в рассказе сурово осуждаются, как осуждается устами старого зэка фильм Сергея Эйзенштейна «*Иоанн Грозный*» (на самом деле, и это важно, называвшийся «*Иван Грозный*»):

«— Нет, батенька, — мягко этак, попуская, говорит Цезарь, — объективность требует признать, что Эйзенштейн гениален. «*Иоанн Грозный*» — разве это не гениально? Пляска опричников с личиной! Сцена в соборе!

— Кривлянье! — ложку перед ртом задержав, сердится X-123. — Так много искусства, что уже и не искусство. Перец и мак вместо хлеба насущного! И потом же гнуснейшая политическая идея — оправдание единичной тирании. Глумление над памятью трех поколений русской интеллигенции!»

Но и «Переиваны» автором изображаются с нескрываемой иронией. Таков в произведении «худой да долговязый сержант черноокий», надзиратель с «избыточной» кличкой *Полтора* Ивана. И «Иван в квадрате» — условный *Иван Иванович*, которому на воле полагается «отдельная зарплата и Петру Петровичу отдельно зарплата». Здесь важно отме-

тять, что «Иванами Ивановичами» в лагерях презрительно называли бывших работников умственного труда.

«Вы давно на Колыме? — спросил самый храбрый, разглядев во мне “Ивана Ивановича”» (В. Шаламов. «Геологи»).

Идеально сбалансированным героем предстает у Солженицына бывший крестьянин Иван Денисович, умело пребывающий в «жилистом, не голодном и не сытом», то есть срединном, гармоничном «состоянии».

Возможно, что именно на способность Ивана Денисовича «заморозить», сохранить неприкосновенной свою личность намекает его фамилия — Шухов, от «шух» — «лед» (словарь В. Даля). Напомним, что мотив неподатливого, твердого льда — один из ключевых в рассказе.